

Лев Исаков

*Поморский флот
и Понизовое
казацество*

*Поймите Россию
Россией*

Лев Исаков

**Поморский флот и
Понизовое казачество.
Поймите Россию Россией**

«Издательские решения»

Исаков Л.

Поморский флот и Понизовое казачество. Поймите Россию
Россией / Л. Исаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934190-7

Очередная монография автора поднимает принципиально новую тему прямого соучастия великорусских низов в политике средневекового Российского государства, оформивших к 14—16 векам собственные инструменты реализации политической воли: Поморский флот и Понизовое казачество; показывает роль последних в превращении феодального государства в ГОСУДАРСТВО-КОНТИНЕНТ, не могущее быть сведённым к какому-либо одному социально-экономическому укладу.

ISBN 978-5-44-934190-7

© Исаков Л.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграф и Посвящение	6
Предисловие	7
Низовая составляющая Великорусской национальной политики и её инструменты: ПОНИЗОВОЕ КАЗАЧЕСТВО	9
Краткая записка о генезисе Великорусского	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Поморский флот и Понизовое казачество Поймите Россию Россией

Лев Исаков

© Лев Исаков, 2018

ISBN 978-5-4493-4190-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф и Посвящение

Дилетанты со стороны и Спекулянты на Политиканстве от Истории, столь же средние, как и порождающий их «средний класс», поучают и судят гениев – Я ИСТОРИК, Я СИЛЮСЬ ИХ ПОНЯТЬ.

Лев Исаков.

=====

Незабвенной памяти Ивана Васильевича Созина, так упорно-безнадёжно пытавшегося ввести меня в круг академических авторов ВИ, посвящается с надеждой, что эта работа станет вкладом в давнее обещание ему написать НАУЧНУЮ ИСТОРИЮ КАЗАЧЕСТВА.

Предисловие

Эта работа возникла как частная и проходная к оформляемой большой компиляции. В апреле этого 2018 года истёк срок исключительного права на монографию «Неопалимая купина. Основания историософии Великорусской истории» в ФРГ и появилась возможность переиздать её в России, тем более, что из-за запредельной цены российскому профессиональному читателю она оказалась недоступна, а серьёзный, без скидок на образовательный дилетантизм, характер работ, объединённых там, отшатнул и обычную свору интернет-воров.

Появилась и возможность развить далее ряд положений, заявленных в прогерманском тексте, и в частности то, что я называю в лекциях «Великорусским феноменом низовой национальной политики» в двух его формах: понизовом казачестве и поморском флоте. Рассматриваемые ранее как автономно разведённые географическими и социальными условиями, хотя и развивающиеся из совпадающих причин отторжения – взаимодействия с феодальным господствующим государством-социумом, теперь, после оформления представления об особом пути развития цивилизации через эффективное присваивающее хозяйство в работе «Цивилизация сетей, лодок и разумных людей» (см. мою монографию «Разыскания к изначальной „руси“») решительно сблизилась и приняла некоторую субординацию: «казачество» стало всё более просматриваться чрезвычайной формой «поморства», обожжённой постоянным противостоянием национальному русскому и внешнему, преимущественно степному кочевому, феодализму.

Поэтому в подготовке русского издания естественно было дополнить раздел о понизовом казачестве, всегда интригующем зарубежного читателя, его порождавшим «поморством». Но вхождение в эту тему необходимо требовало обращение к безобразному акту отечественной историографии, дискуссии 1953—1956 годов – а честнее сказать травли группой мэтров отечественной исторической науки вошедших незадолго со стороны молодых, не поднаторевших в тонкостях подковёрных схваток, авторов; имевшей пирровый характер для историографии вопроса: изощрённые в археографии лица утопили в склоке людей, куда как более основательных в вопросах мореплавания и этнографии поморья, чем утопили и сам вопрос, будучи беспомощны в вопросах судостроения, навигации, экономики морского, да и любого вообще, материального хозяйства, как «архивны юноши», как Женька Онегин и Вовка Ленский, не отличающие рыбу от мяса – «простой продукт»... Это тем более необходимо, что давняя эта история опять всплывает в описках г-на В. Козлова, ничтоже сумняшего переплюнуть Мавродина, Лихачёва, Адрианову-Перетц, много пакостничавших на К. Бадигина и Б. Шергина, но никогда не обвиняли первого в подделке рукописей 15—17 веков – В. Козлов «разоблачил»: если первый пользовался материалами второго, то сам их и подделал... пускай даже Б. Шергин всегда гласно и письменно утверждал, что ИМЕННО ОН ПЕРЕДАЛ СПИСКИ С ДОКУМЕНТОВ АНЗЕРСКОГО СКИТА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ К. БАДИГИНУ... Ну что же тут ожидать от производного выроodka Зимина, пытавшегося влезть в АН СССР по растоптанному «Слову о полку Игореве». Это стало как бы фирменной фишкой мошек-мозгляшек МИАИ.

Но это же требовало и восстановления приоритета К. Бадигина, и установления не преодоленных с той поры границ его постижений, и выправления того, в чём теория разошлась с нарастающим материалом практики., т.е. наряду с актуализацией и критическое обозрение материалов 50-летней давности.

В целом мой выход на «поморство» произошёл через осмысление феномена «казачества», а к тому, как объекту внимания возникло уже по частому важному вопросу, как ценностные ориентации великороссов отразились в их автохтонных институтах народовластия: вече, круг, сельский сход, на чём и базировался итоговый вывод: ЛЮБАЯ СИСТЕМА ВЛА-

СТИ В РОССИИ МОЖЕТ СОСТОЯТЬСЯ ТОЛЬКО КАК САМОДЕРЖАВНАЯ: Самодержавный Народ-Круг или Самодержавный Государь – всё остальное дичь и гиль обезумевшей учёной челяди.

Это определило и структуру монографии: от «казачества» к «поморству», т.е. не логическое, а эвристическое построение материала – как оно само собой вытанцовывалось. При этом я не переработал материалы о казачьем самоуправлении извлечением из общего изложения национальных форм народовластия, что лучше проясняет его закономерность, как формы национальной традиции, нежели изолированное описание, обращающее его «в вещь в себе». Эта давняя работа 1998 года включена без изменения, только с примечанием от 2009 года. Как важное дополнение к ней стала записка об историческом генезисе казачества, открывающая то обстоятельство, что в своей исторической форме, известной с 16 века, казачество оформилось как Великоорусское Донское, и от него выделился Запорожский анклав, всегда бывший инородным телом в «гетманской массе» дворовых «казачков» вельможных свит переродившегося из выбитого русского в заселившееся славянское население окраин Великолитовщины и Великопольщины.

Но поморы не только видоизменялись под условиями внешней среды, но и сами меняли те институты, которые оказывались в зоне их влияния; и очень выразительно это сказалось на практике национально – русского «предкапитализма», староверческом «деле», гонениями феодального государства вытесненного в «поморские окраины» – это естественно притянуло и работу 2004 года: «**СТАРОРУССКИЙ КАПИТАЛИЗМ: ГЕНЕЗИС, ИДЕОГЕМЫ, ПРАКТИКА**», и изживая, и развивая, продолжавшим типологическую практику «поморского дела»...

Низовая составляющая Великокорусской национальной политики и её инструменты: ПОНИЗОВОЕ КАЗАЧЕСТВО И ПОМОРСКИЙ ФЛОТ

Разглашаемый мной факт не социально – экономической, а геополитической основы великорусской государственной политики, т.е. не менее евразийской (а в иные периоды и евразийско – американской), чем русской; её не феодальный, не капиталистический, не социалистический характер по порождающим и несущим её факторам, выворачивающим наизнанку ЛЮБОЕ СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗЗРЕНИЕ НА НЕЁ (...*умом России не понять – Ф. Тютчев; Б.Х.Миних – Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует...*), а при попытке применения к ней на практике обращающих «практикантов» в пекельников и погромщиков ХУЖЕ НАПОЛЕОНОВ И ГИТЛЕРОВ, выстраивая – при несопоставимости рангов личности, индивидуальной неповторимости – в один похабный ряд Бориса Годунова, Александра 2-го, Мишку Горбачёва, Борьку Ельцина; загоняя в скобочки очередной бредни, высосанной из пальца опыта странёшек – плевков, теперь ВОИЗЪЕМНЫЕ В ТРЁХКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ, иной даже по своему физико-географическому пространству – отличие прямой Берлин – Париж от полуокружности Москва – Ситха – , порождая закономерный эффект захлопнутого умопомрачившимся кочегаром раскипающегося парового котла, итожит который коллапс и разлетающиеся ошметки пекельников и на их уповающих: за евроманию образованцев Кавелина – Чичерина расплатились Аляской 1864 года и «именинным пирогом из 100 тысяч людей» 2-й Плевны 1877-го; за упоение «социалистическим экономизмом» Финляндией и Печенгой в 1918 году – исправлялись «зимней войной» 1939—1940 года; приложили к тому 1 миллион ленинградцев в 1941-м...

...Эта НЕ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУТЬ Большой России (чем бы она не вуалировалась: Царством, Империя, СССР) неоднократно проявлялась в сциентистских обследованиях 20-го века:

– в 1918 году, проводя инвентаризацию принятого – ведь иные, буржуазно-прогрессистские, либерально-демократические, т. е. ПРАВОВЕРНО – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ партии хором от того отказались – В.И.Ленин (Ульянов) установил 5-укладный экономический строй России (см. «Очередные задачи советской власти»)..

– в 1970-х годах в серии экономическо-статистических исследований на основе математических методов обработки массового материала посредством ЭВМ И. Ковальченко доказал ОТСУТСТВИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО РЫНКА вплоть до конца 19 века; и только грандиозное железнодорожное строительство 1880—90-х годов начало оформлять некую экономическую связность Российской империи по главному товарному продукту – хлебу... Эти результаты не очень разглашались за пределами советского научного сообщества, как прямо отвергающие ленинский постулат об общерусском национальном рынке, «сформившемся приблизительно с 17 века», как основе Великокорусской Самодержавной Государственности – в настоящее время они запакованы наглухо, как пенальти-2018 по воротам шизофрении российских Либер-Рыночников...

– в середине 1990-х годов, отпускаемый «на волю» с 1985-го, и спущенный на государство с 1991 года «свободно – дикий» капитализм породил феномен возникновения на территории России ШЕСТИ НЕЗАВИСИМЫХ ЦЕНТРОВ ЗАКОНОВ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ,

и русский Северо-Запад стал экономически ближе Балтийскому району всемирной торговли, а цены Русского Дальнего Востока коррелировались с Токийской биржей – во всех случаях не с Москвой. Т. о. **БЫЛ ЗАЯВЛЕН РАСКОЛ** /по терминологии этих мерзавцев **РАЗВАЛ**/ страны **ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ** как минимум на 6 частей... С точки зрения классической политэкономии от А. Смита до К. Маркса такая страна нежизнеспособна – более того, она не может даже возникнуть в болоте квакающих жаб 12—14 веков с вполне сепаратными вплоть до антагонизма интересами: новгородцы, рязанцы, тверичане и проч., все в своих уютно – обозримо – «экономических» мирах, вполне «европейских», на уровне «Франций», «Англий», «Арагонов», «Голландий»...

– Ан НЕТ!

...Почему Великорусская Государственность, распавшаяся под бременем внутренних проблем как Феодальная Киевская Русь в 12 веке и пережившая этническое крушение в 13; рухнувшая как Старо-Московское царство на рубеже 16—17 веков; павшая как Российская Империя в 1917 году; разорванная 5-й колонной Всемирного Капитала в 1991—93 гг. — **РАЗ ЗА РАЗОМ ВОЗРОЖДАЕТСЯ ВО ВСЁ БОЛЬШЕЙ СИЛЕ?**...

...Ответа на этот вопрос нет – впрочем, как и постановки самого вопроса; есть только европейские очёчки г-на Тютчева «...умом Россию не понять...» кривоватой тенью на святоотеческом завете «...в Россию можно только верить...».

Но если великая Трансконтинентальная Государственность никогда не охватывалась рамками того социально-экономического уклада, которым инициировались её верхи, была не феодальной при феодализме – русский феодализм повис и загнулся на линии Днепра – Оки – Волги – Тайги; не капиталистической при капитализме – русский капитализм при всемерной поддержке государства, поднятый усилиями государства, выдохся на Урале; так и не ставшая вполне социалистической при социализме – вспомните феномен «южного пояса республик теневой экономики»... А и опять да снова – как вам блестящее достижение «новокапиталистической ЭрЭфии», решение продовольственной проблемы не «свободной игрой рыночных сил» голопузых фермеров, а 20-летней не афишируемой государственной программой развёртывания агрохолдингов, перехваченной кремлёвской челядью у государственных антирыночников Примакова-Маслюкова, что по итогу **ВОЗВРАЩАЕТ** коллизию «полной социально-экономической подготовки агросектора к социализму» в тезисах марксистской классики.

Кстати, за те же 20 лет выкристаллизовалась и **НЕПРЕХОДЯЩАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**: Самодержавие царей, ЦК-Генсеков, Съезда Советов приняло личину Самодержавия Президента – в полное подтверждение моего теоретического вывода 1990-х годов, что при любой форме политического устройства российской государственности она жизнеспособна и самопродуцируется только как самодержавная. Впрочем, теоретические искания классического марксизма о Парижской Коммуне у В. Энгельса и Советах Рабочих Депутатов у Ленина, как о грядущих формах **ВСЕНАРОДНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ БЕЗ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ТО И ПОДРАЗУМЕВАЮТ – НЕ РЕШИЛИСЬ ТОЛЬКО ОГЛАСИТЬ ЭТО ТЕМ, ЧЕМ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ, КОЛЛЕКТИВНЫМ САМОДЕРЖАВИЕМ**. Увы, много начитанный в академических курсах великий советский лидер как-то не **РАЗГЛЯДЕЛ**, что это лишь повседневная русская низовая практика, не касаясь исторического вече и легендарных казачьих рад и кругов, присутствующая на каждом сельском сходе, который и законодательствует, и правит, и судит, и исполняет – в противном случае Ленин не узрел бы в СРД «гениального изобретения русского пролетариата», а констатировал перенос практики сельских сходов, столь хорошо известной русским рабочим, вчерашним крестьянам, на город; т. е. Великорусскую Историческую Преемственность вне и над шор евроманического академизма, на уровне низов – и в полное подтверждение теоретического утверждения о возможности любой Великорусской Госу-

дарственности – не местно-русской этнографической отрывки – только в политической форме самодержавия, от всеобщего народовластия без разделяющих ограничений ни по функциям ни по субъектам (Вече, Круг, Сельский Сход, Советы переломных эпох) до ... «Боже, Царя храни...» – ну, как нынешний Владимир 2-й, Путин...

Но феодальная государственность в «не вполне феодальной стране» для того, чтобы обратиться из сословно-классовой в национальную, тем более в интернациональную в многонациональной державе, должна где-то, как-то переступить через свою основу, разово ли, по крайности – или длительно, в сознании институциональной автономии; либо допускать сосуществование с иной, не интересами её социально-политической обусловленности, реальности – иначе русские «бродники» вкупе с чингизовыми «мунгалами» прикончат на Калке в 1223 году «лазорево-синюю» Киевскую Русь: или Смутное Время 1603—1612 года, свернувшее шею 3-м династиям московских царей (Годуновы, Отрепьевы, Шуйские). Попытки обратить групповые интересы господствующего социально-экономического класса в ЕДИНСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ национальной политики породили ЧЕТЫРЕ Гражданских войны против Русского Абсолютизма и ТРИ Русских Революции, опрокинувшие его вместе с русским капитализмом...

...Русский феодализм так и не смог закрепить половину населения страны и $\frac{3}{4}$ территории государства – русский капитализм, игравшийся в свою последнюю рулетку, Столыпинскую аграрную реформу, полностью проигрался: в 1916 году она была окончательно заморожена сверху ПО ПОЛНОМУ НЕПРИЯТИЮ РУССКОЙ ДЕРЕВНЕЙ, грозившей снять армии с фронта...

Только Русский Коммунизм вошёл в столь тесные отношения с Нацией, что смог В ЦЕЛОМ овладеть полем государственно – политического, и стал ИДЕОЛОГИЧЕСКИ НЕУСТРАНИМ даже в своём крушении всем наскокам одичавших рыночников, закрепившись на уровне бытового сознания синонимом СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ – только ПСИХИ московско – невского розлива могут быть врагами бесплатного образования и здравоохранения, права на честный труд, жилище, защиту материнства, детства, заслуженного обеспечения в старости – всего того, что немедленно стали сворачивать под байки о «свободе слова, печати, собраний, союзов, предпринимательской деятельности» и прочей бла! - бла! -бла! на всемирном пространстве от Куеды до Калифорнии после того, как ушёл СССР... Но неустрашимое ЖИТЬ ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ это та материковая плита России, из которой возникало и возникает нечто иное – пусть их там где-то и как-то... А и занятные тогда происходят повороты головы, если она есть: Пётр 1-й, стригущий самолично в 1698 году старомосковские бороды – в 1714 кулаком в морду укрощает Ваську Татищева, захулившего старую Русь: «Не для того я на вас труды положил!»...; Владимир Ленин поднял знамя победы всемирного марксизма в 1896 году – «для построения социализма в одной, отдельно взятой стране» в 1922-м... Или курбеты рубежа 20—21 столетий: бандит-алкаш, погромщик Большой России – СССР в 1991 году – создатель Союзного Государства Россия – Белоруссия В 1996-м. К месту скажем, ЭТО РАСКРЫВАЛО ПЕРСПЕКТИВУ ВЫШЕ И ШИРЕ нынешних потуг бывшего ЛАКЕЯ ИЗ СОБЧАКОВСКОЙ услуги уловить русскую своенравную кобылицу арканом подскочившего государственника, ПО ВОЗМОЖНОСТИ НИЧЕГО НЕ МЕНЯЯ... Ну, в рамках внушаемой видимости это ОТЧАСТИ и полезно.

Материал к абзацу: в поисках машины под экспедиционку (всё более склоняюсь к ЗИЛ 133ГЯ) вдруг наткнулся в описаниях Американских Чуд на родную «ЯГУ» в Сиэтле, где ей, кажется, хорошо и комфортно... – но поразил комментарий автора сообщения, русского американца: # zabolts: Сказу только о себе: Я лично благодарен СССР за моё счастливое детство! За бесплатные детские сады! За школу! За бесплатные для меня соревнования! За пионерские лагеря! Где я пропадал по 3 летних месяца, а иногда и зимой. За моё бесплатное высшее образование и параллельно полученное средне-специальное (токарь и столяр)! Я говорю спасибо тем людям – которые это всё для меня ребёнка создали!

... Вступая в массу всяческих отношений с инородными социумами, насыщенными множеством частных, не усматриваемых государственным феодализмом – капитализмом, задач, великорусское сознание должно было либо обрезать себя себя под ограничительные рамки описываемых «генераций», во что оно выродилось в мелколесье Днепр – Карпаты; либо переступить через них, и пойти дальше – «за морями земли великие»... Именно в этом пункте его носитель поднимался и, разрывая пути славянщины, восходил из местечкового на планетарное, становился Новым – Собой, Русским с Большой Буквы, Великороссом, а одна из «русей» шkodливых государственностей потомков Ярослава Хромца начинала мощно возрастать великой Россией, являемая в каждом пункте и социумом и лицом своего носителя.

В конкретно-историческом, не декларативно социологическом плане, это рождало неповторимый феномен русской политической жизни, наличие и сосуществование в общенациональной политике двух составляющих: государственной линии верхов и «низовой» линии персонифицированной массы. Ничего подобного мировой политической опыт не знает: господствующий класс, консолидируясь в государство, полностью узурпирует национальную политику в государственную, канализируя в ней и групповое и частное, при необходимости снося и слишком заносчивые головы феодальных петухов – с этого момента всё осуществляется только через и посредством государственной машины, которую надо убедить или захватить... И никакому знаменитому феодалу Франции, Монлюку или Баярду Франциска 1-го, Конде или Тюренну Людовика 14-го даже в голову не придёт объявить войну, совершить поход, заключить мир с соседней странёшкой, Лотарингия то, Савойя или Каталония как то сталось донскому атаману Ермаку-Ермолаю при Иване Васильевиче Строгом, или Ивану Каторжному, Степану Разину при Алексее Михайловиче Тишайшем: напали на Ханства, Турцию, Хиву, Иран, захватывали, продавали, дарили государства, провинции, города... и без поправок, как будто так и надо – головы рубили лишь когда попуталась Москва со Стамбулом... Вот пожалуй самая объективная для проявления и оценки этого феномена фигура, знаменитый кошевой атаман Запорожской Сечи Иван Серко – отбрасывая всякий притворный флёр, можно сказать что он перебежал серым волков в полное подтверждение своего прозвища, между всеми: Турцией, Польшей, Крымом, Дорошенко, Разинским Мятежом, добежал даже до католической Франции, многократно становясь на грань предательства русской присяге, а то и переступая, о чём Москва много знала, но вида не подавала, похваляя и одаривая за беспримерную доблесть степного пограничного волка – т.е. принимала его метания такой же НЕИЗБЕЖНОЙ ЧАСТЬЮ ОБЩЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, как снег зимой.

На последнем примере хорошо проясняется сам характер этой второй составляющей: она отлична от государственно – классовой по субъектам, целям, задачам, не полагаемым, не совпадающим, а то и инаковым тому заглавному, что заявляется политической линией великорусского социально-экономического гегемона – но она «низовая» в том смысле, что не претендует на господство и подчинение первой и официальной, постоянно ее сгибающей, теснящей – её отношение «не мешай». Именно в этом смысле они «Главная» и «Низовая» – по степени поползновения друг на друга. В то же время она была и реальна и осязаема, а степень их преобладания определялась конкретно – историческими обстоятельствами: без преувеличения, именно «великорусская низовая» возобладала, сохранила и подняла Иоанново наследие Старо-Московской Руси, сломав и дворянскую Годуновщину, и боярскую Шуйщину; и казачьими саблями подняла «служилых Романовых» в 1613 году, которых едва не изрубила в 1612-м...

В то же время это принципиально несопоставимо экстагическим пароксизмам национального духа типа Жанны д'Арк или Гуситов – «низовая составляющая» присутствует в великорусской национальной политике постоянно, давит на неё повседневно. В своих зауженных групповых интересах русский феодализм/и капитализм/ был ориентирован на нарастающее процветание своих вотчин, на переимчивый круг себе подобных стран-вотчин, до 10 в.

на «византийский» маяк и Чёрное море, с 11-го на европейское «застолье»: географический Запад, Балтику; русские низы тянули на свободные земли, простор и волю, на Юг, Восток, Север – географически к Океанам, и в этом движении приоткрывались Аляска-Калифорния, Гренландия, Тибет-Беловодье... В то время как русский феодализм делился-соседелся-ужимался с Немецкой Европой вплоть до Ганзейско – Новгородского полюбовного раздела 14 века «море ваше – реки наши», русский смерд-добытчик, спасающий свою волю к 12 веку закрепил за нацией Ледовитый Океан; к 15-му веку открыл «мурманский ход» в протяжку Скандинавии в Европу и «мангазейский ход» вокруг Северной Азии; в 16-м вышел на Грумант; к 17-му освоил моря от Гренландии до Новой Земли; в 17-м веке староверы и казаки дошли до Чукотки, Амура, Тихого океана; в середине 17 века основали первое историческое поселение в заливе Кенай на Аляске, замкнув Циркумполярный Великий Северный путь...

Великорусская Феодально-Государственная политика утыкала Россию в Балтийское блюдо просительницей от европейских щедрот – Великий Низовой исход выводил на Океаны, к Индии, Китаю, Америкам: попирая и грабя которые в 16—18 веке Европа решительно оторвётся от других частей света... И чего не случится, если за спиной их станет Русская Сила, с середины 17 века начавшая теснить европейский капитализм обратно, на Запад (как отчасти и случилось: Пояс Независимых Государств по южной границе России от Кавказа до Калифорнии, с 18 века недоступных европейскому вторжению. России нужна безопасность, именно за ней она идёт, обязана идти к Висле, Кавказу, Гиндукушу, Хингану откуда грозят, пока эти странёшки затачиваются сами или стелятся под чужие сапоги – и смерть им! – своей земли России хватает)...

Феодальной государственности Русское Царство оставалось только принимать – не принимать, учитывать – умалчивать, с желанием – без желания подбирать итоги этого могучего подспудного течения, неодолимого, как неостановим ночной побег Сёмки – Ваньки – Васьки от барина «за бугор» – трясись от злобы и скупой улыбаться. И только в прозрении метущегося гения прямо открывать в её ослепительной сути: на сумеречной высоте стоит над всеми Иван Васильевич, 4-й, Грозный, высветивший её политически: узаконивший казачество, как государственный инструмент в Казанских и Крымских походах и шубой со своего плеча утвердивший итоги трудов трижды приговорённого к смерти Ермака – Ермолая и дважды тем почтённого Ивана Кольцо; в озарении интуитивно-художественного открывший в переступивших национально-значимое – или Пётр Великий, всю жизнь глубоко чтивший «грозного царя Ивана», по прописям Ливонской войны начавший Нарвой свою Северную; и поднявшийся выше своих европейских штудий в 1714-1720-х годах, когда открыл, что Балтика только придаток Атлантики и путь в будущее пролегает к Индии – Америке – Океанам по тропе «храброго разбойника Стеньки», все известия о Каспийском походе которого велено немедленно собирать...

... На этом материале политического мне как-то проясняются давние впечатления от слышанного в Александровой слободе «Канона Грозному Ангелу», написанного ПЕРВЫМ ИСТОРИЧЕСКИ ДОСТОВЕРНЫМ КОМПОЗИТОРОМ древней Руси Иваном 4-м и при любовании подобранного с безупречным вкусом собрания марин Хозяина Монплезира, приобретаемых в то время, когда их рисовали безвестные голландские подмастерья мэтров для отставных шкиперов, сейчас признаваемая лучшей в мире коллекция т. н. Малых Голландцев – Иван 4-й и Пётр 1-й, столь разнно являвшиеся во внешнем обзрении, были глубоко родственны как художественно интуитивные натуры, постигавшие действительность сразу на всю глубину единым Образом-Картиной-Симфонией, не расчётом-освоением шахматных партий Иванов 3-х и Людовигов 11-х... И как же они были ОДИНОКИ среди Слепых и Глухих, в лучшем случае Заборных Маляров и Площадных Балалаечников; одиноки вплоть до бегства в дремуче медвежью Александрову слободу (– Вологду – Белозеро – Англию...); или на край земли к светлому морю, где будет мой камень-алатырь Санкт-Петербургу (петр=евр. «камень») ... И столь же

закономерно родственные в своей ПРЕДЕЛЬНОЙ ОДИНОКОСТИ в момент завершения трагедией личной судьбы; отстранённостью своей высоты предельно опустошив, унизив, возмутив окружающее, на 50—100—200 лет ошеломившие время. А и только ли? Вот уже от нынешних дрызг, от Ленина да Сталина, опереточный «подъесаул» в очёчках с усиками Шашка Смирнов деревянной сабелькой замахивается и на Петра, и на память о нём; даже на Медный Всадник – не туда, а к монументу Николая Павловича, примерного семьянина, надо возить петербургских новобрачных (дословно) ... я понимаю, что великий плотник непостижим болванам сознания и через 300 лет. Впрочем, «казак» из Союза Писателей и Русского Географического Общества только следует-не-дотягивается до профессора Янова и академика Сигурда Шмидта, что узрели – со своего насеста – причины бед нынешней «Демократической России» в разгроме ногородско-боярского сепаратизма Иваном 3-м в 1471 году. А почему не в порабощении «демократически-толерантной Твери» Дмитрием Донским в 1376??? Непонятно...

Э, да уже набрали и на 600 лет...

Два монголо – татарских ига?

Мне очевидно только одно: полное непонимание, недоумение, неграмотность авторов в отечественной истории на уровне глазомера, на уровне сопоставления масштабов. Перестаньте, говоря языком 6-классников 1960-х, натягивать гандон на глобус – начните воспринимать последний тем, чем он является – проекцией Земного Шара, который вы тщитесь уложить в размер европейской карманной линейки, даже не рулетки... Любопытно, как историческое наказывает за это, сводя крайности на один круг цирка-шапито: тот же Шашка-«почвенник/славянщик», покрутив носом вокруг «русского духа», в конце концов находит создателя русского флота в... голландце фон Бутлере – и чем же он отличается от вполне академического «западника» -д.и. н. С. Нефёдова, узревшего в опытах строительства регулярной русской армии царя Михаила Фёдоровича благожелательный перенос шведского опыта через посланного королём Густавом-Адольфом полковника А. Лесли?

На этом фоне действительно станет непостижимой тайной, почему ПЕРВЫЕ РУССКИЕ РЕГУЛЯРНЫЕ ПОЛКИ, Первомосковский и Бутырский, объявились при разделе в 1642 году московской вотчины князя Д.М.Стародубского-Пожарского, не оставившего наследников мужского пола; там, в его деревеньках, они и открылись (некоторые материалы у меня собраны – станет ли времени ввести их в оборот, если отвлекаться на «шашки»...)

Возвращаясь от историографических склок на уровень социологического обозрения ещё раз подчеркнём: ничего подобного феномену «низовой политической линии в государственной политике» всемирная история не знает: никаким фракциям и группам английского, французского, испанского, китайского, тюркских, монгольских государств, кроме как в форме разового мятежа-измены даже в голову не придёт. Все внешнеполитические устремления сословий и классов осуществлялись через машину государства – все новации-потуги обойдённых сводились к её захвату. Европейский максимум «внешнеполитического анархизма», конкистадоры-аутсайдеры, от Х.Кортеса до Р. Клайва были только орудиями таимой или не определённой государственной воли, вполне сознательно придерживающимися рамок выделенных им границ – попытки преобразования спонтанно возникавших пиратских гнёзд 16—18 веков в нечто большее, в «государства-либерии» фантазирующих «джентлеменов удачи», предпринятых Миссоном, Эйвери, Бенёвским, Лаффитом, безнадежно провалилось: русское казачество с «европейским лицом» не зацепилось нигде, впрочем, как и с «азиатским». «Коренные», «почвенные» выразители бандитско-низовой инициативы Европы и Азии, Гаукинсы, Граммоны, Морганы, Сюркуфы, Бары, Хайреддины хорошо знали своё место – заскочивших романтиков молниеносно выбивали – как Ингланда (ирония судьбы: он был ирландцем, фантазёром по национальности) ... И уж точно, вожжами гражданских войн против своих правительств они не становились, как то в России Иван Болотников, Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачёв, в чём, в частности, выражалась В ЦЕЛОМ НЕФЕОДАЛЬНАЯ ОСНОВА КАЗАЧЕ-

СТВА – это и в голову не приходило Питеру Моргану и Рожеру Сюркуфу, через «бесклассовый бандитизм» только пробивавших себе путь в «приличное общество».

Т.о. феномен «низовой составляющей великорусской национальной политики» вполне зримо проявлялся и во внешней, уже по самому характеру особо «загосударственной», политике России, реализуя движение социума на новые земли в преимущественной форме «за землёй и волей», итоги которого феодальное государство могло подобрать только в относительной степени, ровно настолько, насколько его функции совпадали с интересами «малых сих» – и шире, глубже, в более скрытой и опосредованной форме уже собственно внутри инкорпорированного в свои границы итоги этого процесса государства, т.е. и во внутренней политике, положившей тот предел, далее которого классический феодализм переступить не мог, а европейский капитализм обращался в иные формы: американского, крестьянского, самовольного... вполне реальной, как те 4 Крестьянских войны, объединявших обе стороны низового политического потенциала в общий противогосударственный поток, оградивший 50% населения и 3/4 территории феодального государства от прямого феодального закрепощения.

Следует особо выделить, что и движение на новые земли, и противодействие огосударственному феодальному прессингу вовлекало, включало, обращало в нарастающую целостность этническое разнотравье всего Трёхконтинентального Пространства от Днепра до Юкона, закономерно нараставшего вокруг великорусского ядра. И местечковые ненавистники России предельно остро это чувствовали, даже когда и не осознавали: как выразительна была ярость кошевого Костки Гордиенко, позвоночно ненавидевшего «Москалей», когда на Запорожской раде стали кричать «любо» призыву посланцев Кондратия Булавина поддержать «людей русских» против Москвы... Он был совершенно прав – в этом соединённом противостоянии рушился только русский феодализм и возростал Русский Мир, если понимать под ним целостность трёх значений слова «МИР» в русском языке: Пространство, Общество, Согласие. Он был совершенно прав, что низовая политическая линия Великороссии необходимо втягивала, влекла за собой и наконец сплавила В НЕРАЗДЕЛИМОЕ ЕДИНОЕ МНОГОЦВЕТИЕ МОРЯ ОТСТРАНЁННОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ РУЧЬЁВ, и это нечто иное, нежели численное или социальное преобладание, или растягивание рамок ведущего этноса на всех...

...Политика имеет своей исторически конкретные формы насилия (джентльменский набор государства по Ф. Энгельсу: армия, суд, тюрьма, полиция...), становится реальной только по наличию насильнического принудительного института и такой вполне обозрим – это, естественно, казачество в рамках своей демонстративно внешней явленности, и в них оно ничем не отличается от любой системы «феодальных свит», если бы оно не было одновременно и формой самоорганизации «переступивших через границу», необходимо всеобщей, т.к. она исходит от собрания индивидов, разорвавших со всякой внешней властью – у великороссов она состоялась и стала предельной формой всеобщего народовластия. И по её неповторимости во всемирной практике её следует выделить и этнически – как Великорусскую. Только в наличии этого института великорусское казачество сохраняло характер ядра «низовой линии в великорусской национальной политике»...

...В 1993—1998 годах, в рамках представления об историческом абсолютизме всех состоявшихся форм власти великорусского социума, самой интересной из которых являлось его прямое самодержавие, именно через самодержавие казачьего круга я входил в представление о неразделимом самодержавии иных, предшествующих или современных ему институтов волеизъявления и его осуществления массой, не имеющего ничего общего с какими-либо системами разделения властей, иного им всем, итогом чего стала программная работа «Парламентаризм, Советы и традиционные формы русского народовластия» – надо бы исправиться, Великорусского, т.к. они полностью разошлись с тем, что явила к итогу 18 века «русская демократия» Запорожской Сечи... Увы, объявленная в 1999 году в МОЛОДОЙ ГВАРДИИ и даже набранная, она была снята за неделю до запуска номера главредом А. Кротовым – в памяти

осталось, как отчаянно её отстаивал молодой симпатичный социолог Василенко (имени-отчества не помню). Идеи о Воле, сливающей в единую сталь Свободу и Насилие, о Самодержавии Социума на Единогласии Личностей оказались сверх Полномочных Лиц от Научно-Издательских собраний РФ; только в 2014 году в составе текста книги «Неопалимая купина» она была опубликована в ФРГ: немцы неплохо меня принимали на семинарах в ВШЭ в 2004—2005 гг., но вряд ли её поняли по отсутствию каких-либо аналогий с европейским социологическим материалом – в России она оказалась недоступной по запредельной цене (130—160\$)...

...Но в рамках раскрывшегося представления сразу повелительно возникал другой столп низовой исторической практики, Северо-Русское Поморство в виде отходничества в Сибирь, Америку решительно переступавший через рамки этнографического местничества, так же упорно – и успешно – отмахивавшийся от наскоков феодального государства своим веслом, как казачество саблей... И актом заселения пустынь в земли на своём поморском праве обращал их в Великорусские провинции, уже в этом выступая фактором национальной политической воли.

Но как только оформляется это представление, немедленно возникает ряд теоретических и конкретно – исторических, уже узко дисциплинарных вопросов:

1. В каком отношении пребывают эти два инструмента «низовой политической воли» друг к другу? Возникли ли они независимо, одновременно, столь очевидно разведённые географически в обозримом историческом поле; разнородные друг к другу по своему очевидно разному приложению: поморы и поморский флот система социально – экономического уклада, некий «предкапитализм» – и военно-политическая машина казачества, немедленно деградирующая по утрате своего ориентира на перманентно – постоянную войну (это очень хорошо видел, например, Николай 1-й, отмечая закономерность падения боевых и социальных качеств Донского казачества после прекращения Наполеоновских войн)...

Историческая реанимация «белогвардейщины» 1990—2000 годов, восходящая к парижским писаниям сотника Горланова, обратившего свою индивидуальную трагедию отвергнутого в тотальное русофобство и тиражируемые гг. Савельевыми и проч. – на памяти некая «дактаришка» из Воронежского университета, «филологически» выводившая запорожско-донское казачество из черкес, т.к. их часто звали «черкасами» т.е. лексиконом адыго-абхазской языковой принадлежности... вероятно, тюркско-татарское происхождение слово «казак» даме претило – при всей внешней дикости посылки имеет некоторую подоплёку: всё же не рисуется, не укладывается увесистый кряжистый Микула Селянинович, любящий кулачный бой «стенка на стенку», в обезвешенную белку, сыплющую стрелами, машущую сабелькой и выделяющий штуки на бешеном кавалерийском скаку.

Из пахарей в цирковые вольтижёры?

Ведь таким были и «на веки» нарисовались казаки из эпохи наполеоновских войн, «настоящие чёрты» в оценке самого Бонапарта, и в том виде залетевшие в сознание русского образованного общества, всегда не познающего, а «читающего» жизнь... И каким же открытием стало для английских офицеров Крымской войны, что казаки 1854 года средние наездники, отличные стрелки и подлинные змеи подколодные в ночных засадах и поисках – а казаки 15—17 веков?

Интеллигентская блажь разлетается вдребезги при обращении к подлинной истории казачества с момента его генезиса во внимании великорусской государственности. Выхваченные первыми, а потому записанные в «родоначальники», исторические казачьи вожди ВСЕ ВПЛЫВАЛИ в русскую историю, будь то волжский Ермак, донской Иван Кольцо, донско – днепровский Байда-Вишневецкий. Может, вчитаетесь, коли не умеете видеть и узнавать, многократно зафиксированные этнографические самооценки донских казаков 18 века: «казак живёт водой и травой» – дословно применимые ко всем прочим... ВДУМАЙТЕСЬ ХОТЯ БЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИ, почему все названия исторически состоявшихся казачеств привязаны

к большим рекам (Запорожское, Донское, Терское, Яицкое, ... вплоть до Уссурийского) – и Платон Зубов немало не сомневался, переводя запорожцев в КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО... А и по восходящей – ведь было же в Российской империи ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО, давшее знаменитых СТРЕЛКОВ-ПЛАСТУНОВ Крымской войны...

Но это уже ПРЯМО СВЯЗЫВАЕТ ПОМОРОВ И КАЗАКОВ, И В ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ СУБОРДИНИРОВАННОСТИ: не сабля открывала земли великие, весло выгрело саблю на простор её воли... Кроме прочего задаёт и этнографической ориентир – русский человек рыбку любит так, как её не любят украинцы и белорусы с салом и колбасой, Кавказ с шашлыком, Средняя Азия с пловом, Степь от Яика до Алтая с бешбармаком... – за рамками «застольного этнографизма» постулируется факт получения основной массы белка русским населением через рыбу от Киевской Руси до 1950-х годов (промышленное перекрытие Волжско-Камского бассейна каскадами ГЭС) всеми исследователями от Н. Костомарова, С. Максимова, Б. Грекова, ... и вплоть до таких современных авторов, как И. Власова.

На Весле и Рыбе поднимался Вольный Человек, ВЕЛИКОРОСС.

А чтобы не звучало это голой патетикой напомним одно соучастное: повышенную рождаемость современных этнических шведов Аландских островов объясняют рыбным по преимуществу питанием – иностранцы 15-нач.20 веков особо выделяли повышенную рождаемость детей в русских семьях по сравнению с окружающими народами, как европейскими, так и азиатскими.

Но это сразу притягивает внимание к тем одиноко отстранённым островкам посреди окружающего их Феодално – Степного мира, которые как бы являются прообразом «казачеств» 15—17 веков: «новгородско» -камская «Вятка», вдруг разразившаяся корабельным погромом ВСЕХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ в 1360—70-х годах; неведомо-русские «бродники» 1087—1223 годов, столкнувших черепица Киевской Руси под монгольский молот; Олешье-Белобережье 9—12 веков, откуда прискакал на ссору с князем Владимиром Красно Солнышко в обличье Никиты Заолешанина достопамятный Илья Муромец... Типологическая и этнографическая увязка вполне очевидна и корректна, как ступени восхождения к исторически завершающему итогу казачеством, и коли станется времени выполнить обещание покойному Ивану Васильевичу Созину НАПИСАТЬ ИСТОРИЮ ВЕЛИКОРУССКОГО КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ 1632—1874 ГОДОВ, я её разверну в достойной широте. Если станет времени – автору 71-й год...

...Но весло и рыба факторы интернациональные, и про то же низовье Днепра известно, что там пребывали в ранне – киевскую эпоху какие-то «чёрные болгары», отстранённо враждебные всему, что мелось вокруг по степи; извещавшие византийцев о собирающихся набегах и приютившие Святослава после поражения в Болгарии. Как это, конелюбивый гунн-кутригур совершил головоломный курбет: вдруг исполнившись злобы к уздечке и седлу возлюбил весло и лодку – но её ещё надо построить – и устремился в дали неведомые, негаданные по ладням морей Чёрного, Азовского – но это же навигация, течения, ветры, звёзды... Вот почему нормальные «болгары» хана Омуртага соседят в степи и в 8 веке... А не скрывшиеся ли это в плавнях с 4 века готы, что удержались в западном Крыму вплоть до 12-го как вполне рыболобивые лодчонки?

...Но в этом пункте надо остановиться, как выходящим за пределы этнологически заданной цели, пребывая в понимании, что этноним «рус/рос» пока, и только археологически, обозрим не глубже Славкинской культуры Поволжья 1—3 в., а доступные исторические известия появляются с 8—9 в., если не следовать методу гг. Абрашкина – Цветова – Богатырёва переписывать все новости от Шумер до Цезаря на Вольгу да Микулу...

Краткая записка о генезисе Великокорусского Казачества

Уже простое непредвзятое наблюдение со стороны над первыми появлениями казачества в историческом пространстве резко разводит его с живописной ярмарочной картинкой летящего на коне – огне с шашкой наголо ослепительного «русского гусара» – в историческое обозрение казаки явились верхом на челнах. Не только для поднаторевшего в теме историка, для начитанного любителя это давно, уже с трудов Броневского, Маркевича, Бантыш – Каменского, Тургенева, Висковатого, Веселаго, Эварницкого, исторических биографий знаменитых вождей казачества Ермака-Ермолая, Даниила Байды-Вишневецкого, Петра Сагайдачного, Ивана Каторжного, Богдана Хмеля, Степана Разина, Ивана Серко, Фрола Минаева, в полухудожественном ли изложении Костомарова или интенциях чистого искусства Сурикова – распирающий секрет полишинеля, разразившийся массами опровергающих публикаций по поводу спущенного сверху «Юбилея 300-летия создания Российского Флота» в 1996 году: изданий, из которых на памяти работы Рагунштейна и Скрицкого.

Вот занятно, знаменитый донской атаман Степан Тимофеевич Разин («...самое поэтическое лицо в русской истории...» – А.С.Пушкин) только один раз повстречался в исторической иконографии с казачьим атрибутом-конём, когда его везли на казнь – но все знают «расписные Стеньки Разина челны» если не по песне Садовникова, то по хрестоматийной картине В. Сурикова в Третьяковской галерее.

В 17-м веке русская феодальная государственность вполне отчётливо видела «водно-морскую составляющую» казачества, даже её примат в общем национальном раскладе боевых водных сил; всячески пыталась это переломить – обозримая военно-морская политика ВСЕХ РОМАНОВЫХ, от Михаила Фёдоровича до Петра Великого, имела среди прочих острую антиказачью направленность: скрутить речную вольницу «европейски образованным флотом»...Против кого строили свои флоты для Каспия руками голштинцев царь Михаил Фёдорович в 1630-х годах, и руками голландцев царь Алексей Михайлович в 1660-х? Против разбойников – но разбойники то были казаки: волжские, гребенские, яицкие, донские...

Но всё как-то не получалось, и когда выростали национально значимые всеобщие задачи, приходилось взывать к национальному же казачьему опыту: или прямо, когда по малоспособности государева флота в русско-шведской войне 1656—1658 годов положение на море переломили истребованные с Дону патриархом Никоном казачьи судовые рати, **ОДЕРЖАВШИЕ ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ НАД ШВЕДСКИМ ФЛОТОМ** у Заячьего (иногда пишут Котлова) острова в устье Невы под началом стольника П. Потёмкина и на Нарвском взморье при осадной армии князя И. Хованского – это был стратегический прорыв: участь Нарвы была предрешена и князь Хованский многоречиво проклинал нагрянувшее Вильесарское перемирие и его творца, боярина Ордын-Нащокина, сорвавших русскую победоносную кампанию. А и не потому ли в 1670 году один из стругов Разинского каравана, шедшего Волгой на боярскую Москву, был забран чёрным камуфляжем – шептались: «...патриарший!...»

...Участь Азова в 1696 году решила победа донской судовой рати атамана Фрола Минаева, уничтожившего на взморье турецкие транспорты с продовольствием и боеприпасами для крепости – государев флот в битве не участвовал, т.к. не смог преодолеть барных отмелей на выходе Дона в море. Награда атамана была беспремерной, кроме ефимков, соболей и сукон петровым рескриптом при встрече кораблей русского государственного флота с атаманом отдавать ему первому салют даже в присутствии государя; кроме того атаману вручили «орлёную» оловянную кружку с указом, что владелец её пьёт во всех казённых кабаках бесплатно – она то его и сгубила...

...К 1710 году, обнаружив, что не в силах соперничать с мощным шведским линейным флотом Пётр переходит к казачьей тактике нападения на крупные корабли стаями лёгких гребных судов с разных направлений, только заменил (гонор! гонор!) струги галерами и скампвееми – и маялся потом, каким отдать предпочтение, венецианским, французским, греческим (назывались «турецкими») ... Над вспомогательным флотом европания царя не довлекла, и самым лучшим и массовым признавался русский карбас. К 1714 году во флоте утвердилось ещё одно казачье правило – источник которого старательно не видят: на корабле кандалников нет, гребцами стали солдаты гвардейских полков. Как итог, сцепляясь в абордаже русская слабая скампвеея выбрасывала на палубу вражеского фрегата не 50—80 солдат морской пехоты, а 200—250 (т.е. полный фрегатский экипаж), т.к. в атаку летели и гребцы, переменяя вёсла на мушкеты... Вам понятно, почему 6 крупных кораблей шведов у Гангута были захвачены через час атаки 20-ю русскими скампвееями? 1800 шведов вместо по европейски полагаемых 1000—1600 русских абордировало 10 тысяч... Вот интересно, сколько бы продолжалась Северная война, если бы, не мудрствуя лукаво, обратились к наследству Ермака – Степана – Фрола году так в 1704 – прямые вторжения в Швецию РУССКИХ ГРЕБНЫХ ЭСКАДР, начавшиеся в 1719 году согнули гордых шведов за 2 года... Вот мнение прусского наблюдателя той поры, И.Г.Фокеродта: «Галеры оказали Петру 1-му самые великие и важные услуги в последнюю Шведскую войну, им одним обязан он благодарностью за столь славный, как и выгодный Ништадтский мир» к чему прицеплю методом монтажа цитат мнение английского историка М. Андерсона, который, соглашаясь с высокой оценкой галерного/т.е. казачьего/флота, нелицеприятно отзывался о государевом корабельном «...нанёс малый действительный ущерб шведам. В течении войны он взял только один шведский линейный корабль... *он не отвечал глубокой национальной потребности*», которое так бесит г-на Богатырёва – исправив последнее предложение английского автора на текст: «он не отвечал узким потребностям конкретных решаемых задач, оказался мало применим к условиям балтийского военно-морского театра, демонстрировал неэффективность использования столь драгоценных в военное время средств, *являясь в то же время глубоким заделом на будущее*» я вполне с солидарен с английским коллегой – и пребываю в полном согласии с собранием адмиралов российской адмиралтейств-коллегии, до середины 18 века сохранявшим преобладание гребной флотилии в составе Балтийского флота, как наилучшего, дешёвого и быстро развёртываемого средства ведения активной борьбы с опорой на шхерные районы против любого корабельного флота неприятеля, особенно при его превосходстве... Дословно подтвердилось в Крымской войне 1854—1856 годов. Увы, 120-пушечные мастодонты Черноморского флота благородно умыли руки и нырнули на дно, предоставив армии в одиночестве расхлёбывать разведённую на морях кашу...

...А признанием казачьих «дубков», много хвалимых петровским адмиралом Корнелиусом Крейсом, явилось их «регулярное» испомещение в русском флоте под европейским названием «дубель-лодки» (спасибо г-ну Богатырёву)...

Но особая связь казачества именно с водой-флотом уже в первом приближении настраивает на предчувствие и восприятие его, как производного в целом от русского социума; как продолжение той традиции, в рамках которой славянин – росс обретался – вселялся на Великие Равнины Евразии по долинам рек; полагаемый как пахарь (от Татищева по днесь) по данным археологии с 1 в. н.э. – подозреваемый мной как «рыбак» присутствует в них с мезолита 14—12 т. д.н.э., даже на последующее «орание земли» перенося термины эпохи цивилизации речных заводей: «плуг» этимологически возникло от слова «плугарь»/создавать расходящиеся волны на глади воды; волновать (ак. О. Трубачёв) /. Вот уж к случаю, как тут не прослышать в «орании» не «обиход», а «по-ранение» земли, и не привязать к этому стоическую ненависть казачества к земледелию сверх рассудочного «за пахарем барин идёт»...

Ладно, ладно – «народная этимология».

Вполне объективно другое, уже С. Соловьёв отмечал, что центры древнерусских княжеств – земель привязаны к речным долинам, а их границы лежат на водоразделах. Но именно там, на опасном пограничье, «спорно – чейной» земле и оформляются районы зыбкого «молодецкого права», собирающие удальцов, которым при всяком ином тесно; именно там оформляется обычаем территория превентивно – постоянной войны, узаконенные «браниборы» западно-славянской практики, где умолкает всякое иное право, кроме меча и сердца – но русское казачество принципиально расходилось с социальным изгойничеством и отщепенчеством: оно следовало не туда, где замолкал социум, а устремлялось туда, куда он тянулся; только вчера «миром», сегодня «сами». В этом смысле оно никогда не разрывало с ним: в 1708 году казацкий беглец, атаман-мятежник Игнат Некрасов, принося присягу принявшему его турецкому султану, рубил евангелие и стрелял в православный крест – 240 лет казаки-«некрасовцы» сохраняют свою самоидентификацию «живущих Игнат-градом» на Кавказе, в Болгарии, Турции, вне адыгов, «братков», турок – в 1910-х—1960-х годах 8000 казаков-«некрасовцев» возвращаются в Россию, Императорскую ли, Советскую... В США и Канаду уехало 224 человека; в Турции осталась 1 семья...

Итак, оформляющееся эмпирическое правило «там, где речка и лодчѐнка – ищи русскую избѐнку», разумеется, очень грубое, – до строгости, удовлетворяющей геометра « три точки, не лежащие на одной прямой, задают одну и только одну плоскость» его ещё надо доказать – , но уже вполне объективное по отношению к звону в правом-левом ухе: Черкесы! – Татары!, Адыги! – Нет, Тюрки! ... открывает уже поле для широких обобщений на всѐм обозримом пространстве древнерусской истории от Аскольда до Иоаннов.

Сначала поправим, уходили не столько те, которым «плохо», сколько те, которым «тесно»: вот жил в начале 17 века в граде Воронеже вполне благополучный посадский человек Тимофей, торговал и подторговывал, наживался – возростал, начинал выходить в «гостей» – вдруг бросил всё, съехал на Дон, и завертелся в кровавой пурге морских и сухопутных походов, на челнах Ивана Каторжного, в бешеных кавалерийских лавах Михаила Татаринова, в багровом зареве русской Трои – Азовском сидении... По боевому прозвищу отца РАЗЯ завязался в станице Зимовейской род казаков Разиных: Иван, Степан... Крестным отцом второго стал сам знаменитый войсковой атаман Корнилий Яковлев, предводитель 4-х успешных морских походов 1657—1664-го годов...

Это принципиально отлично от Родового или Феодално-Статусного «изгойничества», жертвы которого ищут другого социума-гнезда или рвутся в отвергнувшее, в том же феодальном происке: «как бы мне на Руси князем сесть» – здесь налицо выбор образа жизни, реализующий то, что таится в подсознании социума не покидающей тенью. Спорадически вспышки чего – то подобного рожают балтийских «йомс-викингов», «пиратские либерталии», но как вспышки они и гаснут; выросшие на отрицании породивших их обществ, и отвергая их устремления, они только обманчивые эфемериды, цветы без семени.

Уже вследствие этого булькающая на поверхности «котла научности» изгойническая теория от Горлановых – Савельевых вкупе с прибудившимися дамами только способ продекларировать неприятие России образованческим планктоном, накричаться на неё...

А там, во глубине России—

Там вековая тишина.

– «народ безмолвствует» по оценочной ремарке одного автора...

...Открывая в русском этносе родовую основу казачества в том его итоге, каковым он проявился «как Афина из головы Зевса», громогласная и потрясающая копьѐм, в 16 веке, надо сразу включить в его генетических предшественников те сообщества 9—10 в., что выступают из тени едва ли не одновременно со 2-м—3-м Рюриковичами смутными сообщениями в ПВЛ и отложившимися осколками в былинах Владимирова цикла в эпизодах ссоры Князя и Богатырского Вождя Ильи Ивановича, но не Муромца, а Заолешанина – прозвище многозначное,

толи из-за Олешья, «далее безмерных», толи из/за Олешан, как социума. В отличие от почти мифологических в тексте былин «Мурома» с селом «Карачаровым» Олешье вполне материально, принимая – исторгая великого Святослава Игоревича, отмечалось в судьбе других персонажей древнерусской истории, но как-то глухо с неохотой. В то же время у него очень высокий статус по 2-му донесённому летописями названию – эпитету БЕЛОБЕРЕЖЬЕ. В русском политеизме Белый Цвет имел особо сакральное значение справедливости, правды; в ней надо было восстать НА ТОМ СВЕТЕ, от этого обязательная белая посмертная рубаха. В обретении «рая», в русском сознании освященного не «молочной рекой с кисельными берегами», а справедливостью, равенством в ней всех, русские калики перехожие искали земного БЕЛОБЕРЕЖЬЯ... Следует отметить, русские князья – изгои 11—12 веков преимущественно удалялись не в близкие «Олёшки» на челне по Днепру, а через опасные степи конным 1000-километровым побегом в Кавказскую Тмутаракань...

Любопытно, что та же величественная фигура Святослава Игоревича связывает почти непроницаемое Олешье со следующим предшественником казачества, донскими «бродниками» 11—13 веков, уже довольно осязаемыми и физиономичными. После его замечательной 10-летней Восточной кампании 950—960-х годов на огромном пространстве Великой Степи от Днепра до Волги, от Оки до Кавказа утвердилось русское преобладание, продолжавшееся до дуумвирата Ярослава-Мстислава – но около 1087 года (разночтение в исторической среде – все согласны на последнюю четверть 11 века), расплзающаяся по швам Классически-Феодальная Старорусская Государственность предала степи половцам, а черноморское побережье с Тмутараканью Византии, бросив на произвол судьбы русское население, копившееся уже столетие у ключевых пунктов степи на пересечении шляхов и рек, особенно плотное на Дону, вокруг Белой Вежи – бывшего хазарского Саркела, откуда начинался кратчайший волок на Волгу. Брошенное Южно-русской верхушкой, оно исполнилось особых чувств к ней, а по отсутствию других путей создаёт собственную боевую организацию поголовно вооружённого народа, «бродников», названных так толи потому, что «изгои – бродяги», толи потому, что яростно уцепились за долину и броды Дона-Донца... Существенно то, что уже в 12 веке это было настолько боеспособное христианское население, что русские князья начинают охотно зазывать его ватаги на военную службу. Замечено, что «бродники» были особенно тесны с князьями Северо-Восточной Руси, Долгорукими «Юрьевичами», Андреем Боголюбским и Всеволодом Большое Гнездо – определённо отстраняясь от Юго-Западной Киевской и Галицко-Волынской ветви, Великих «Мстиславичей»... Характерно, что они были всегда враждебны окружающим степным кочевникам и тем русским князьям, которые вступали с ними в союзные отношения.

Итоги этого клубка ненависти и соперничества подвела Калка: коалиция Южно-Русских князей выступила союзниками (подчёркиваю, именно союзниками, а не в союзе) половецкой орды Котяна – монголы получили естественного товарища в лице «бродников»; вероятно, не сразу... Только после 6 поражений монгол именно «бродники» переломили события, заведя русско – половецкое войско на роковые берега и броды Калки – кому как не им знать каждую речку в степи – , а их воевода Плоския вполне расплатился за предательство 1087 года, клятвой на евангелии выманив киевских «Мстиславичей» на переговоры в монгольский лагерь под мучительную смерть чем обрёл южнорусское ополчение на истребление. Севернорусские князья в кампании не участвовали...

Батыево нашествие накрывает покровом тьмы дальнейшее развитие – а и было ли оно? – возникавшего социально – исторического субъекта. На входе есть два обстоятельства, некоторым образом поддерживающие обоснованность дальнейшего теоретизирования:

1. Военным руководителем «Похода к Последнему морю» 11 царевичей-чингизидов на завоевание Европы 1236 года был всё тот же самый Субудай-багатур, что в 1223 году вёл такую трудную кампанию в Восточной Европе, и превосходно знал, насколько она усложня-

ется в отсутствие знаний о театре военных действий, сочетавшем разнообразие ландшафтов открытой степи и речных залесённых долин – на их видимой обозримости и сломал себе шею лучший русский военачальник начала 13 века галицко – торопецкий князь Мстислав Удатный (Удачливый, переименовывают в Удалой), официальный предводитель союзных армий на Калке, проглядев сглаженные балки, тянущиеся вплоть до переправ, которые и облили его фланги охватывающими татарскими крыльями. А наилучшими знатоками всяческих причуд театра были именно «бродники»... И кто надоумил монгольского стратега к ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ НА СЕВЕРО – ВОСТОЧНОЙ РУСИ НАГОНОМ – тебенёвка лошадей на метровых снежных покровах, держащихся под лесами, совершенно невозможна, и поход сразу обернётся катастрофой, ЕСЛИ РУССКИЕ ЗАЖГУТ ВСЁ СЕНО В СТРАНЕ... Ничего подобного кампаниям 1237 и 1240 года СТЕПНАЯ ПРАКТИКА НЕ ЗНАЛА, И СРАЗУ ЖЕ ЗАБЫЛА НАВСЕГДА по крайней рискованности для кавалерии. Была только одна попытка такого рода у Тимура, квалифицированно разгромленная Урус-ханом Синей Орды...

2. Через 120 лет ставленник московского князя Дмитрия на митрополичий престол поп Митяй, проплывая на струге по Дону от верховий до Азовского моря на пути в Константинополь, дивился многочисленности русских городков и слободок на его берегах... Через 2 года следовавший из Константинополя новоутверждённый вопреки Дмитрию грек митрополит Киприан нашёл их сожжёнными и разгромленными, оглашаемыми волчьим воем... Как, из кого оформилась эта русская диаспора в степи, куда пошла и что стала делать после резни и погромов 1376—78 годов, и последующих за ними, самыми страшными из которых стало избиение всего степного люда Тимуром в 1395 году, открывшее эру топонима Дикое Поле? ... Кстати, как должны были называть тюркоязычные кочевники, господствующие в степи, это население, не входившее в степное сообщество, основанное на родоплеменном праве, не имеющее родовой идентификации, т.е. не защищаемое родом, исключённое из земельных переделов; в сущности «человекообразный зверь», которого можно приручать, а можно убить, захватить и продать – как захочется, КОЛИ ПОДСТАВИТСЯ...

– Да так и назвать, безродный/не имеющий родовых прав/свободный от обще-родовых обязанностей т. е. КАЗА [К/Х] ВО ВСЕЙ ПОЛНОТЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ ТЮРКСКОГО СОЦИОКОНА... Характерно, что повествуя о событиях начала 15 века в степи, русские источники пестрят сообщениями: «степь переполнилась казаками», «казаки во множестве пришли СПАСАТЬСЯ в порубежные города», «казаки сошли во степь»... Какую нацию принимали – выпускали палисады РУССКИХ ГОРОДОВ, злых татаровей?!

...Означающим фоном этих отмечаний являются события, которые не принимаются в «казачьи анналы», только потому, что они произведены этническими русаками, вышедшими из того района, Северо – Западной Руси, который никогда не был ни завоёван, ни, тем более, не заселён лихими чингизидами – с 1340-х годов городские центры Золотой Орды сперва в Прикамье (Тюркская Булгария), потом и столичный улус на Средней и Нижней Волге начинают подвергаться нарастающему давлению выплывающих из речных туманов карающих лодий. Я употребляю эту несколько расплывчатую дату единственно потому, что начавшийся с 1360 года террор русской северной вольницей ордынских центров, открытый разгромом Жукотина на Каме, обратившийся едва ли не в сплошную военно-речную кампанию ПРИ ПРЕВОСХОДНОЙ ОСВЕДОМЛЁННОСТИ Т.Н. «НОВГОРОДСКИХ УШКУЙНИКОВ» с особенностями Камско-Волжского военного театра полагает не менее чем десятилетия обретения навыков и знаний, с тем, чтобы последующие прогремевшие Прокоп, Анфал и Костей безраздельно господствовали – коли не ложились в спячку на тот или иной десяток лет русские летописцы – на всём течении Камы и Волги... И естественно и обоснованно связать генезис Северо – Восточного КАЗАЧЕСТВА с моментом утверждения в районе Северного Среднекамья в бассейне Вятки «ушкуйнических» городков Никульцына, Орлова, Хлынова/Вятки в 1174

—1181-м годах, вполне соответствующего и по внутреннему строю: самодержавие вечевое права; и по повседневной боевитости их общин; и изначально независимых от Новгорода...

Как и где таилась в бурях 1223—1360-го годов Вятско-Камская Казакия /прямой перевод тюркского термина на латиницу ЛИБЕРИЯ/ требует особых разысканий и объёмного любовно собираемого компендиума, но в 1236 году именно здесь, на правобережьях равнинной Камы, спасались остатки болгаро-тюркского населения после трагической гибели в многомесячных боях центров Волжской Булгарии: Булгара, Сувара, Биляра. И сколь многих тогда принял Хлынов и Вятская земля... Кем они явились в ней? По тюрски «казаками», людьми без рода и родины. Спаслись в подавляющем большинстве готовые на всё и ко всему крепкие боеспособные мужчины – женщины и дети вырвались только в исключение...

Нам ничего не известно, кроме пристрастно толкуемого то в «финскую», то в «тюркскую» сторону археологического материала (при наличии вполне русской устоявшейся Вятской Земли) – тут перлов на ядовитый памфлет – о событиях той поры, но нам предъявлен итог: монгольское завоевание, перескочившее Верхнюю Волгу, застряло на Средней Каме при том, что **ВСЕ НЕРУССКИЕ ГОСУДАРСТВЕННО – ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЭТОГО РЕГИОНА ОБРАТИЛИСЬ В ПРАХ** (дословно в пепел) ... Война с Ордой (обнаруживаемая периодически просыпающимися русскими книжниками) кипит в Камско – Волжском районе непрерывно с 1360 года, когда её благословил Святой Дионисий Суздальский и вплоть до 1471-го, когда отмечен **ПОСЛЕДНИЙ КРУПНЫЙ ПОБЕДОНОСНЫЙ ПОХОД**, и конец ей положил Международный Феодалный Интернационал; в 1489 году разумно – «феодалный» русский государь Иван 3-й и казанский хан Мухаммед-Эммин наслали на вольный Хлынов 100-тысячную рать во главе с известными полководцами: знаменитым впоследствии князем Даниилом Щеней и карачи Уруком... И наконец-то цитатой: *«Потомки ушкуйников после разгона Вятского веча ушли на восток Вятского края. Одни селились в вятских и пермских лесах, а другие ушли на Дон и Волгу. Именно на Волге формировалось волжское казачество, перенявшее традиции ушкуйников. А многие современные лингвисты находят сходство в говоре донских казаков, новгородцев и жителей Вятского края. Также можно найти сходные особенности народной культуры донских казаков, новгородцев и вятчан»*. Подправим: волжского казачества, как такового, не было до 1734 года, когда оно было создано указом императрицы Анны Иоанновны, имевшей, вопреки всему навешанному на неё, какое-то особое пристрастие к казачеству (в частности, простила запорожцев за измену Петру Великому и вернула их в Россию) – всё ранее это т.н. «воровские казаки», в лучшем случае Робин Гуды на челнах, в массе же своей Кудеяры-разбойники, отличить среди которых татарскую рожу от русской, мордовской или чувашской невозможно... Вместо «многих лингвистов» более корректно употребить «иные» – добавлю, которые так и не удосужились узнать из исторического языкознания, что т.н. «северный говор» ещё в 17 веке распространялся южнее Воронежа и господствовал в Москве. Новгородских «сицкарей» (заменяющих в речи «с» на «ц») на Дону не наблюдается... О прочем: вот есть у Константина Коровина замечательная картина «Северная идиллия», но нарисована она с *этнографической точностью* на материале Рязанской губернии, **САМОЙ ЮЖНОЙ ИЗ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ 14—16 —го ВЕКОВ**.

Таким образом, прямое продолжение из Вятки на Дон как-то легковесно, и тем более странно, что вплоть до падения Казани и Хаджи-Тархана (Астрахани русских известий) в целом Поволжье было столь же враждебно и чуждо им, как и Москва, и как бы они против тех туда забрались... Хвалынской вольнице был открыт путь только на восток, в Приуралье, где работами пермского историка В. Оборина открылось необычное государственное новообразование: Пермь Великая с династией из боковой линии Тверского дома (?), долголетний правитель которого Матвей Великопермский, будучи вотчинником Ивана 3-го, тем не менее уклонился от участия в походе 1489 года – но можно утверждать, что они ушли немедленно после того, как Иван 3-й наложил опалу на великопермских князей в 1503 году, и заменил

их прямым московским наместником князем Иваном Ковром... Поэтому не обосновано распространяющееся в последние годы утверждение о прямой связи «вяткинцев» с 6-тысячным казачьим контингентом, проявившимся в событиях Волжской кампании 1552—1557 годов. Сама весомость этого участия предполагает какой-то сложившийся центр его оформления, но ничего подобного в Поволжье и Прикамье не наблюдается – значительно интересней развиваются события с конца 15-го и в 1-й половине 16 века в районах Дона – Донца – Днепра.

...Старые малороссийские историки «с подтекстом» (Н. Костомаров, М. Максимович, Д. Яворницкий) немало потрудились, выискивая оснований «казацкому роду нет переводу» во Вселенной – Поднепровье, но к счастью ныне обижаемых Шумеров, будучи выпускниками ИСТОРИКО – ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ факультетов и, легкомысленно – посредственно воспринимая критерии историчности, не смогли преодолеть в себе спиц «флексий» и «этимологий»; и извлекали казаков отовсюду, где только находили этот многозначный тюркский соционим, лишь бы поблизости находилось и что-то славянское. У Яворницкого есть ещё одно презабавное расширение, он делит «казак» на «кай – сак» и заводит их уже в расово – этнологическую область, т.е. привязывает к индоиранским европеоидным «сакам» – разумеется, пока на уровне этимологии: всё же наличие академической школы штука полезная... В целом он устанавливает началом генезиса 1471 год, когда Киевское княжество было преобразовано в литовское воеводство, намекая, что этот вывод, почерпнутый им у Максимовича достаточно условный: были набеги « Казаков из Тюрков» и до этого, например в 1469 году... В целом у «старых укров» наблюдается большая зыбкость и неустойчивость в представлениях по данному пункту, обусловленная массой заблуждений и путаницы от простого неумения анализировать, т.е. расчленять вопрос на органические части и приступать к синтезирующему итогу только по выполнению этой совершенно необходимой процедурной работы почти по Гегелю: «Анализ – Верификация [– Синтез]». В карикатурном фоне то и дело возникает НЕКТО в шароварах шириной с Чёрное море, равно приличный любому НОМО SAPIENS, от которого они испуганно отрещиваются, КАК ОТ ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНОГО ЗАНЗИБАРЦА... Дословно, в свои изыскания в области «кай – сак», гн. Яворницкий бросился, когда просветился, что современные ему «киргиз – кайсацкие» орды (ныне казахи) по прямому значению этнонима «киргизские казаки» (свободные киргизы) – кстати, открыл новую этимологическую линию: «кай»/«походный»+ «сак»/«мешок»= «казак»/ «вьючный мешок»... Обидел и скифов, и казаков, и казахов, переведя их в разряд ослиной амуниции.

Эта нерасчленённая всеядность на всё филологическо – зыбкое приводит к тому, что приводимый значительный материал малороссийских и украинских авторов по 15 веку не работает, как доказательная база. Наличие этнографической прослойки рыбаков в Днепровских (как и в прочих) плавнях, приводимое у объективного хрониста Мартина Бельского под 1492 годом, как и более раннее, о содействии «казаков-проводников» польскому войску Яна-Альбрехта в Побужье в 1489 году ничего не говорят о «казачестве» как политическом субъекте. Они затемнены даже в этническом и этнографическом плане, перемешанные с массой известий об «ордынских», «городовых», «замковых» и проч. «казаках», кроме того, что вдруг – и тут удивляется даже Яворницкий – восставшие в некой маетности за сохранение своих традиционных прав вполне очевидные крестьяне тоже прозваны «казаками»... В основу такого определения заложен только один обобщающий признак НЕПОДКОНТРОЛЬНОГО СВОЕВОЛЬСТВА... Тогда верно: кто с горилкой – тот «казак»; а и то ограничительно: можно и в трезве лузгать семечки на завалинке, а кто мимо, тому в морду.

...Вот как описывает «запорожских казаков» конца 15 века М. Бельский *«По рассказу хрониста, казаки летом занимались промыслами по Днепровским порогам (рыболовством, охотой, пчеловодством), а зимой расходились по ближайшим городам (Киев, Черкассы и др.), оставляя в безопасном месте на острове в Коше несколько вооружённых огнестрельным оружием и пушками казаков».*

Вполне очевидно, что это не политический инструмент, а промысловое занятие типа «чумачества», тоже следующего на варку соли и обратно через степь с оружием, только «казаки» должны сохранять в местах промысла станы, где поддерживается жильё, остаются на зиму лодки, сети, ульи... И «казаки» эти в описании Бельского НЕ ЗАПОРОЖЬИ, А ПРИПОРОЖЬИ, т.е. в конце 15 века они не только не сложились в самостоятельное военно – боевое, тем более территориальное сословие, но и не вышли в низовья Днепра.

...От Бельского есть ещё одно крайне важное свидетельство: в его время (1495—1575 гг.) «чайками» назывались кожаные лодки, на которых «запорожцы» переправлялись через пороги (как бы перелетали).

– Частично исправляюсь! Значит, хаживали...

– Т.е. и «запорожцы» и «казаки», но какие-то не такие казаки...

...Следует признать объективность утверждений малороссийских авторов, что боевое начало в эту беспокойную, размашистую, прикосновенную и к оружия, но промысловую массу вносилось извне, через «вельможное лыцарство» верхов, что мне так претило у них прежде – теперь соглашаюсь на компромисс: через соединение с вооружённой героической ленью «замковых», «городовых» и прочих «казачков» феодальных свит, что могло произойти только с некой долей соучастия хотя бы отдельных хозяев...

«Демократическое» смазывание этого обстоятельства объективно работало на удревнение генезиса украинского казачества в историографии 20-го века – в настоящее время серьёзные авторы ищут для этого подпорок в изыскании возможно более ранних вельможных залётов того или иного феодального петуха в чумазый мир. Пока справочники утвердились на 1492-м годе, когда Богдан Глинский во главе «казачков» совершил поход на Крым, освободил русских невольников, а на обратном пути захватил турецкую галеру в виду крепости Тягинь на Днепре, толи взял вместе с ней. Ввиду наличия галеры и Днепра поход объявлен «1-м Морским» и «1-м известием о запорожском казачестве», что очень работает на мою теорию «водяной сути» казачества, но крайне сомнительно в полной сумме обстоятельств – можно очень крупно поскользнуться. Богдан Глинский, с 1488 года наместник черкасский, по вступление в наместничество немедленно озаботился набрать собственное войско из наёмников всех мастей (русские, турки, татары, влахи, мадьяры и пр.), т.е. «казачков» (чтобы окончательно развязаться: ещё в конце 19-го века вольнонаёмных работников в Поморье называли «казаками»/«казачками», что воспринималось принижением). В 1492 году он ВПОЛНЕ ФЕОДАЛЬНО ввязался в войну с крымским ханом Менгли-Гиреем, т.к. будучи потомком беглербега Мамаю, столь известного на Руси, имел бесспорные права на улус предка т. е. Крым и низовье Днепра; было ли при том заготовлено в Черкассах лодок для похода и стал он сухопутно – водным, или обошлись кожаными «чайками», или ещё как совместили движение сухопутных масс с необходимостью маневрировать берегами Днепра очень туманно – но ПРЕДЕЛЬНО СОМНИТЕЛЬНА МОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОХОДА. Кроме прочего в этом случае Глинский должен был непременно столкнуться с новопостроенной в 1492 году крепостью Очаков, закрывавшей вход-выход в море, которую он взял и разрушил в 1493 году с «*козаками черкасскими*» – передрано из цитаты в справочнике; полагаю только то, что написано, что разрушил своими наёмными «казачками» из города Черкасс – полагать же морской поход от того, что Очаков стоит у моря сомневаюсь. При взятии Очакова «козачки» крупно переусердствовали, был убит русский посол, следовавший из Молдавии в Крым – за Глинского взяли в четыре руки Иван 3-й и Менгли-Гирей. Литовский великий князь Александр вынужден был перевести его в 1495 году с Черкасс на Путивль. И во время походов, и тем более по его переводу «казаки» за порогами не задерживались, а следовали по хозяину. Но вот этноним «героических лентяев» мог и застрять...

Сам Богдан Фёдорович Глинский, князь и наместник Черкасский и Путивльский, никогда на Запорожье не жил, из феодалов ни в кого не переменялся, и немало бы озадачился, узнав, что осел в современных изданиях как «Атаман Божьей Милостью Запорожский Первый»...

Вряд ли стоит сомневаться, что после прохода войск всё в районе порогов вернулось на круги своя, и в той или иной мере вовлечённые и соединённые войной обыватели разошлись по своим ватагам и тоням.

...А между тем восточнее возрождалось, просыпалось, а может быть только открылось обратившемуся глазу нечто всегда тут бывшее – из под ордынской коросты редющих улусников Золотой Орды начинает проступать древняя земля русских «бродников» в облики донских казаков, настоящих, отвергнувших феодализм во всех формах, и овечий с беком, и пашенный с боярином; здесь, в самом центре Золотой Орды, с приросшим от рождения к руке оружием.

В 1549 году в 140 километрах выше устья Дона утверждается первая столица Донского казачества Раздоры, а когда её основали и неведомо: слои археологических культур в этом районе громоздятся друг на друга с палеолита.

Уже само появление казачьего стана в самом сердце западного отдела Великой степи, удалённого на 500—700 км. от русских земель уникально и позволяет делать очень решительные выводы.

1. Сам тип представленного хозяйственного уклада, «жизнь травой и водой», решительно разводит насельников района с окружающим их степным кочевническим миром, как и с заявляемыми от русофобов «черкесами»: ни те ни другие к лодкам пристрастия не имеют, кроме того, что горцы, по особености физической конституции, вообще плохо держатся на воде. Т.е. из наличного этноса надо полагаться на русский;

2. По крайней удалённости этого региона от мест компактного обитания и древнерусского и великорусского этносов можно исключить и значительное участие в генезисе населения западнее Днепра и севернее Оки, т.е. источником оформления феномена Донского казачества, Старшего среди всех казачьих субэтносов России, следует искать на местной почве...

3. А если так, то этногенез начинает выстраиваться в непрерывную последовательность едва ли не к добатыевой эпохе: если русское население уцелело после поголовной резни степи 1395 года, то оно восходит к 12 веку – очень бы хотелось искать в нём потомков легендарной «северы» Аскольда и Дира. А там... Это от лукавого или преждевременно – на наличном материале высвечивается не глубже 12 века.

Итак в районе, естественно ограниченном водоразделом Дона и его притоков Хопра, Медведицы, Иловли, Чира, Северского Донца в форме сердечка-валентинки, стягивающегося от широкого севера к точке-устью, как бы оформляется пульсирующий феномен «русскости» от 11—13 века поднесь, поджимающийся в лихолетье к северу, в дебри непроходимых лесов Верхнедонья, и возвращающийся немедленно по минованию грозы, а то и сам грозой, на юг, вплоть до Азовского Лукоморья. И сделать это предельно просто: побросать сети, рогатину да топор в лодку, и неси, тихая вода, осетры кормите... – мимо берегов, ступить на которые без меча равносильно самоубийству.

Любопытный однако народец эти т.н. «историки казачества»... В 1549 году ногайский князь Юсуф пожаловался царю Иоанну IV (Грозному): «Холопи твои, некто Сары-Азман словёт, на Дону в трёх и в четырёх местах города поделали... да наших послов... и людей стерегут, да разбивают...», откуда гг. Савельев (слава богу, ныне аттестуется как «писатель») выводят донское казачество из мещёрских татар? татарских мещеряков? Финно-угорских тюрков? Чем меньше знаешь, тем больше болтаешь?

И писателю-радетелю русского языка не приходит в голову сомнения просто из ДОСЛОВНОГО ПРОЧТЕНИЯ ТЕКСТА: ПО РУССКИ ЕСЛИ КТО-ТО «СЛЫВЁТ», ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ОН ТАКОВЫМ ЯВЛЯЕТСЯ, а и не ТАТАРСКОЕ ЛИ ЭТО ПРОЗВИЩЕ

ПРОТИВНОЙ РУССКОЙ РОЖИ?...И это на фоне вполне русских – насколько это возможно – , исторических атаманов-современников: Мамин, Яковлев, Павлов, Ляпун, Андрей Шадра (т.е. рябой – вдруг откроют половецкий омоним?), Ермак (ой, опасно: толи русский Ермолай, толи татарский «ермак-Котёл» /обжора что ли?/; а иные, что просто Васька Анкудинов)...

В целом Раздоры означают важный итоговый результат саморазвития казачье – этнографической инаковости, который уже не мог не проявиться во внешнем обозрении, и это произошло почти немедленно: в 1552 году от 7 до 12 тыс. казаков самым активным образом участвуют в наступлении и взятии Казани и отражении набега Девлет-Гирея на Тулу. В первом эпизоде они сыграли заметную роль, отмеченную даже пристрастно-боярским летописцем, как участники молодецких сшибок с отборной конницей царевича Япончи, и лучшие стрелки из пищалей по бойницам Казани, во втором они оказались едва ли не определяющими, отманив татар на сильно укрепленную Тулу от прямого следования в тыл армии Ивана Грозного к Казани. Имена атаманов остались неизвестны, в народной традиции выпеваются «Ермак со товарищи», что невозможно, ему в ту пору было не более 18 лет: «молод больно – молоко не обсохло»... Иногда атамана под Казанью называют Павловым.

Самым выдающимся образом донские казаки проявили себя при покорении Астрахани в 1554 году: являясь авангардом армии князей Пронского-Шемякина и Вяземского, они внезапным появлением с челнов разгромили армию хана Ямгурчя сначала у Чёрного острова, потом параллельным преследованием не дали войти в Астрахань, и последующей атакой довершили разгром. Ямгурчя спасся бегством в Азов «Сам-20», в числе огромной добычи казакам достался и его гарем: Пронскому-Шемякину и Вяземскому осталось только принять капитуляцию города и привести население к присяге русскому ставленнику Дербышу. В 1555 году казаки пресекают попытку Ямгурчя прорваться в Астрахань через степи; в 1557 году разгромили мятеж Дербыша, который сбежал в Азов.

...Опасное прямое столкновение с Турцией стало неизбежным (1-я Русско-Турецкая война).

В определённой степени эти события отражались и на судьбе Запорожья. В 1554 староста Черкасский и Каневский Великого княжества Литовского Дмитрий Михайлович Вишневецкий, лично ненавидевший турок и татар за мучительства своего дяди в турецком плену, которого вызволил за неслыханный выкуп в 1553 году, осуществил предложенную ещё Евстафием Дашкевичем (1470—1536) идею построить крепость ниже порогов, перехватывающую выходы татар в набеги из Крыма, гарнизон которой набрать из вольных «казаков». На острове Малая Хортица был построен острожек с пушками, число казаков было доведено до 5000. С этими силами он произвёл в 1556 году два смелых нападения на Крым (Иски-Кермен) и Турцию (Очаков, с 1526 года принят у татар), дважды отражал нападения Девлет-Гирея на свой лагерь, но в 1557 году вынужден был отступить назад к порогам на Монастырский остров перед объединёнными турецко-татарскими войсками с артиллерией. Король Сигизмунд-Август запретил ему походы на Крым и Турцию – тогда в 1558 году он переходит на службу к Ивану 4-му «со своими казаками», т.е. с теми, кто перешли с ним на Монастырский остров после падения «Первой Сечи» (их было уже немного) ... Знай знатнейший князь из рода Корибутов, что будет избран своей боевой челядью в «кошечные атаманы Войска Запорожского», он бы посмеялся, а если бы увидел своё имя 3-м в ныне канонизированном списке «кошечных» – обиделся...

Впрочем, отражались, мягко сказано: с начала 1556 года они прямо вломились в Днепровские омуты. Отбитый в 1555 году от московских земель с полупоражением в Судьбищенской битве: татары похватили многих знатных русских пленных из потерявшего строй войска – русские разгромили татарский обоз (Шереметев, погиб) и выдержали ночной бой и удержали поле (Басманов), и не возвратив Ямгурчя на Астраханское правление (перехвачен в степи донскими казаками) – Девлет-Гирей готовился к реваншу в 1556 году.

Но Москва пошла на упреждение: русские полки начали выводиться на линию Оки ещё в феврале; к апрелю она была перехвачена на всём течении от Муром до Тулы. Но этим не ограничились: впервые Москва решила попробовать Крым.

Уже в январе начинает готовиться необычная в противостоянии с кочевниками «судовая рать» дьяка Матвея Ржевского, т.е. застучали топоры – строили суда... Но где? Какие?

Ответ на «2-й вопрос» как бы и очевиден: ну струги, насады, челны, что там известно из старорусского судостроения...

Ответ на «1-й» прямо прописан – на Псёле...

Вот только как тогда быть с дальнейшим текстом «прошли по половодью район порогов»: паводок в районе порогов достигал наибольшей величины в конце марта – начале апреля, т.е. суда построились за зиму?... А посмотрю-ка на карте.

– Матушки – Светы! Да как это, построить на Псёле?!?! Он же течёт посреди Дикого Поля (по совр. Курской и Белгородская областям), В 200—300 КИЛОМЕТРАХ ОТ РУССКОЙ ГРАНИЦЫ СЕРЕДИНЫ 16 ВЕКА! Только под 1596 годом Никоновская летопись отмечает: *«Того же году царь Феодоръ Иоанновичъ посла воеводъ своихъ со многими ратными людми, они же шедше поставиша на степи города: Бѣлгородъ, Осколь, Валуйку и иные города; и насади ратными людми, и казаками, и стрѣльцами и жилиецкими людми»*. Курск отстроен через год.

...Риторически – издевательские вопрошания, каким духом, святым или русским дьяк Матвей вывел несколько тысяч мужиков, завёз МЕТИЗЫ, парусину и т. т. т. в глубь Дикого Поля, и НОГАЙСКИЕ ТАТАРЫ, владевшие этим разделом степи, на него не пустились? Тут остановимся – лежачих не бьют... А лежачий, белгородский историк Пенской Виталий Викторович, который этому поудивлялся и оставил как есть, ежели то даже в Лицевом Своде прорисовано

Не вступая в полемику с летописным свидетельством – это требует специального, а не шапкозакидательского исследования – отметим, что либо кто-то уже построил суда для М. Ржевского на Псёле заранее, или открывается область безбрежных предположений, вплоть до того, а был ли М. Ржевский в тех местах (т.е. на Псёле) вообще... Возможность выхода к Псёлу из русского с 1500 г. Путивля (и Каморицкой волости в целом) для небольшого разведывательного отряда Ржевского по залесённым долинам рек западного понижения Северо-Донецкой возвышенности была, если не таскать за собой корабли в разборе – но смысл это движение приобретает, если только хотели неожиданно выйти к заранее определённому пункту на Днепре, старательно утаиваемому и от татар, и ещё более от Правобережной Литвы. Татары видят «не на нас», Литва же в мареве татарской степи ничего не увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.